

ТАМАРА МАХАЛОВА

«Я ПИЛ ПРОХЛАДНЫЙ СОК БЕРЁЗЫ...»

// Баянов В.М. Зазимок. Стихотворения, поэмы. Кемерово:
Кемеровское книжное издательство, 1984. С. 161-166.

Пшеничным полем бежали белоногие околки... Небо мягко голубело, умытое солнцем. Высокая прядка перистого облака висела недвижно, и не только виделась, но и чувствовалась сбивающее дыхание огромность неба...

Эти строки из повести В. Баянова «Не красным летом» как нельзя лучше рисуют пейзаж раннего июльского утра. Когда мы ехали из Кемерова в сторону станции Топки, от которой, если по прямой, в трёх верстах – Дедюево, коренное сибирское село, родина Виктора Баянова. Здесь он родился полвека назад, 10 июля 1934 года, здесь он рос, набирался духовной и душевной энергии, здесь он учился красоте и доброте, здесь закладывалось его поэтическое мироощущение.

Дорога от разъезда круто забирает влево, мягко огибает лесистый холм, и вот уже восходящее солнце, растапливая утреннюю туманную дымку, освещает всю деревню... Сам поэт в это утро виделся нам совсем юным. Видимо, воспоминания о детстве и юности придавали ещё больше, чем обычно, обаяния его улыбке, зажигали зеленоватый свет в его серо-голубых глазах, усиливали интонационную особинку речи. А мы... слушали...

«...Вон там, внизу, по левую руку голубеет непроходимое коноплянице вперемешку с полынью, не паханое, не сеяное, само поднялось на брошенном поле. Надёргаем коноплю, завернём сноп в дерюжку и ну плясать на ней, а то и палкой дубасить, потом отвеем на ветру мякину и похрустываем конопляными семечками, забрасывая их в рот горстками – сытно, вкусно.

...А по правую руку – Цыганское болото, оно и не болото вовсе, а так, сгорка небольшая, там, на виду у всей деревни, любили останавливаться цыгане».

Вдали, на пригорке справа, небольшая купа деревьев – кладбище, ждётся покоятся его мать, Мария Сергеевна, деды, бабушки. Едем дальше. Справа река, слева на пригорке стояла когда-то родительская изба... Река Камышанка была тогда полностью водной, пили из неё воду, зимой для этого делали прорубь. А омут какой был! Глубокий и чистый: посмотришь в него – виден до дна, так прозрачна была водица. Прямо за омутом – лесистый яр. Казался тогда дремучей тайгой, через него всю войну бегал с дружкой к мамке на свиноферму. Отец же его, Михаил давидович, был тогда ветеринаром, лечил скотину ещё до войны, до призыва в армию, в трудное время становления колхоза.

Восточная сторона яра полого спускается к реке, зимой здесь с ребятами – на лыжах, чаще самодельных, летом здесь радовали ребятшек своими подарками земляничные поляны. Вдали, в стороне восхода солнца, смутно видны очертания зерносушилки. Макушка лета... цветёт душица...

ромашки... вверх по яру легко шумят берёзы... у реки в солнечно-туманном мареве пасутся кони... Тихо...

Мы молча встатриваемся в дали, и каждый думает, наверное, о своём, а во мне звучат строки поэта, которые запомнились с давних пор:

Я пил прохладный сок берёзы
В старинных русских туесах,
И от того мой чуб – белёсый
И зелень лёгкая в глазах.
И вот теперь, большой и рослый,
Я вижу, что неотделим
От этой тёплой, этой росной,
От русской утренней земли.

Неотделимость от родной земли, родной страны и своего народа – вот та первооснова, то первоуродство, с которых начинается поэт, которые питают его творчество, помогают накапливать свет туманного идеала.

Судьба Виктора Баянова во многом характерна для его поколения. деревенское детство, пришедшееся на предвоенные годы, отрочество, опалённое Великой Отечественной, профтехучилище (железнодорожное, в Топках), служба в Советской Армии, работа машинистом – отличный труд, отмеченный орденами «Знак Почёта» и «Дружба народов», неоднократным избранием депутатом в районный и городской Советы.

И... поэзия! Первые стихотворные пробы ещё в школе, первые публикации – в армейской газете, первый поэтический сборник – в двадцать девять лет в Кемеровском книжном издательстве. В тридцать один год он член Союза писателей СССР. В сорок два – автор девяти книг. Истоки его поэзии по-настоящему народны и глубоко национальны. И не потому ли основные темные произведения – Россия, её природа и люди. Поэт смотрит на мир глазами русского человека, доброго и бескорыстного работника на своей земле. Земля даёт человеку нравственную силу, доброту и душевную красоту – всё это сердцем ощущаешь, читая стихи Баянова, входя в целостный мир его восприятия жизни.

Радость видеть и понимать – это высокий дар человека. Способность изумляться, умение полно и точно передать свои мысли и чувства в слове – это уже подлинное поэтическое дарование. С первых публикаций стихотворений Баянова ясно проявилась его внутренняя мелодика и лирическая направленность таланта, во многом роднящие его поэзию с поэзией Алексея Кольцова, Сергея Есенина...

Природа в поэзии Баянова – гармоничное и прекрасное целое, очень сильно и всесторонне воздействующее на человека. Причём человек этот органично и совершенно естественно входит в природу, понимает её и учится у неё. Правда, в самых ранних стихах природа предстаёт часто лишь как экспозиция к последующему действию, мало связанная с ним («Весеннее», «Я видел журавлей косяк...»), иногда как фон для авторской декларации, передающей лишь формальное, утилитарное отношение человека к природе.

Таково, к примеру, стихотворение «В стороне от проезжих дорог...» (1959). Но вот уже через год в стихотворении «Весна на станции» чувствуется стремление, пусть даже немного по-ученически прямолинейное, выявить неразъединимость человека и природы в более сложных связях, и один лишь запах сосны и берёзы оживляет в коротком стихе светофоры, виадук... - всю железнодорожную ветку и лица рабочих, заставляет нас, читателей, поверить: пришла весна. В этом отношении стихотворение это можно считать поворотным. В последующих – ещё пристальнее поэтический взгляд в природу и сложнее сопоставление с человеком. Всё чаще появляется в его поэзии так называемый приём параллелизма, характерный для русского фольклора, но проявляется он пока в основном в двухстрочных концовках: две последние строчки сопоставляют развёрнутую выше картину природы с жизнью человека.

В дальнейшем взаимопроникновение, взаимосвязанность человека и природы становятся в стихах Баянова естественными и гармоничными, ощущение параллелизма как приёма исчезает. Стихотворения пишутся так, что жизненный вывод для себя читатель может сделать из одного лишь пейзажа, как, например, в стихотворениях «Берега», «Река и озеро», «Там, где воды и ветра сшибка...». Заметно присутствие в поэзии Баянова элемента сказочности, что идёт, безусловно, от умения удивляться миру. Одновременно происходит одушевление и даже олицетворение природы. И в прямом обращении, например, к реке: «Ты себя не берегла, ленью не позорилась», и в рассказе о водопаде, как о человеке, учившем людей правильным социальным отношениям: «...Я за то люблю его как друга, что стараясь шёпот заглушить, он учил меня на всю округу только в полный голос говорить...». Весна у Баянова предстаёт в облике женщины, которая шла рядом, отстала, смотрит из-под руки («Пусть вокруг листва, трава...»).

Если появляется пейзаж как таковой, то уже в качестве активной составной части сюжета, влияющей на основное действие («Мы шли таёжную тропой...»). Всё глубже и разностороннее становится поэтическое сравнение природного и человеческого (...на тракт далёкий смотрят вдовы в повязанных шалашиком платках). Иногда критика упрекала Баянова в частом повторении синего цвета. Что ж, действительно, синий господствует в его поэзии: синий воздух; синий омут; голубеющие излучины; голубое литое обводье; синее небо; синь-перо; синие глаза; синие ветры; синее озеро; «синей, ясней небесная полуда». И даже: «Я под пройденным и пережитым подведу голубую черту».

Но ведь пристрастие поэта к определённому цвету вовсе не случайно и, безусловно, заложено в нём с детства. Синева озёр, глаз, неба для русского человека – триединство мира. Срединное, человеческое (глаза) фокусирует на себе природное: и материальное (озёра) и духовное (небо). Не в этом ли разгадка баяновского синего?!

Главенствующий синий цвет сопрягается в его поэзии с другими акварельными красками – рябиновым, багряным, зелёным. Но иногда акварель прекрасно оттеняется чеканной графикой вечернего пейзажа:

«Время зорьки вечерней, Время длинных теней, Что вчekanились чернью В позолоту полей».

Природа родины... Основа жизни... Всё сильное, всё светлое, всё чистое – от её. Для поэта она – постоянный исток вдохновения. Отношение человека к природе определяет чуткость или глухоту его к добру и злу, альтруизм или эгоизм его личности, а в конечном счёте – гармонию или дисгармонию его с миром. «Пейзаж бы потерял половину своей красоты», если бы в нём не присутствовали люди во всей своей конкретности человеческого образа и действия. Старики, женщины, подростки, плотники, пахари, машинисты... О них поэт пишет с любовью и пониманием – сопричастностью сердца людскому горю и радости: вот стихи о стареющей матери, о дедушке Игнате – бескорыстном мастере, о тружениках стеклодувах, о швеях мастерицах, о любимой женщине...

Если задаться целью определить одним словом мироощущение поэта, то оно будет – ч и с т о т а. Нравственная чистота мыслей, чувств, деяний. Это и светлая печаль при воспоминании о матери («Устав от ветровых погудок...»), и обжигающее ощущение несправедливости и чувство ответственности («В двенадцать лет мальчишкам редко...»), и сопряжённость своей жизни с историческими событиями прошлого; чистое и трепетное отношение к женщине вообще и к любимой в частности; и «спокойный свет печали лёгкой» в предощущении одиночества, которое, видимо, посещает всех в определённом возрасте («В чистом поле...»); преемственность нравственного идеала и профессионального умения («Машинист Иван Петрович»); и мучительные поиски смысла и счастья жизни, уважение и глубокая благодарность – низкий поклон – родной избе, и многое-многое другое из биографии поэтической души нас лишь потому убеждает, что прикоснулась к этим рука мастера. Ведь художественной правды, истины без мастерства нет.

Осознание поэтом всей полноты своих связей – национальных, народных, социальных – определяет степень гражданственности его поэзии. Казалось бы, в поэзии Баянова все приметы тридцатых-сороковых годов, вроде бы он не задел почти современность. Но в чём же она? Неважно на каком временном материале решает поэт сверхзадачу искусства. Баянов вернулся в «юность, чуточку скорбя, чтобы оттуда чисто и пристрастно взглянуть на жизнь и оглядеть себя», ведь социально-нравственная модель мира как чувство целого формировалась в нём именно в те годы, озарённые гражданским энтузиазмом революции и Великой Отечественной.

В последнее время мы стали свидетелями некоторого пренебрежения вечными истинами: честь, совесть, доброта уже будто бы не в моде, уже какая-то часть общества считает бескорыстие чудачеством, почти что глупостью. Но... одновременно с этим «пенным», поверхностным течением к расчётливости, бездушному практицизму усиливалось глубинное, народное стремление к исконному, и с т и н н о м у – жить по совести. Именно это стремление освещает лучшие стихи Баянова, потому что вечные истины: честь, доброта, справедливость – никогда не стареют и в наше время обретают всё большую значимость. Разве не современны, к примеру, его

лирические стихи о красоте человеческих взаимоотношений – при некотором, наблюдаемом сейчас понижении культуры чувств?

День клонился к вечеру... Мы ехали по старой деревенской улице. Уже стали смутными вдали берёзовый яр, земляничные холмы и пригорок, на котором когда-то стоял дом Баяновых... Вот переехали речку, дорога пошла в гору... Поэт остался в родной деревне, которую он и сейчас считает хранительницей вечных истин – весомых, как хлеба колос, чистых, как совесть, ясных, как душа мастера.

Ах, что со мною, что со мною?
Мой быт – не ягода с куста.
Нет-нет да за моей спиной
Шепнут: «Святая простота».
Бывает, встретят и похвалят,
И за меня поднимут тост.
Но тут же тоненько ужалят,
Мол, не поймёт – уж больно прост.
Всему с улыбкою внимаю,
Молчанье трезвое храня,
Хоть их, быть может, понимаю
Поглубже, чем они меня.
Иду, спешу к заветным вехам.
Слова чужие бьют как нож:
– Когда ты станешь человеком
И простоту в себе убьёшь?
Я не шумлю, я не лютую.
А в думах трудное, своё –
Не как убить её, святую,
А как бы сохранить её.

Чем ближе подъезжали мы к городу, тем острее и современнее воспринималось сказанное поэтом.